

Татьяна Старикова

Я и она

Сборник произведений

Татьяна Старикова

Я и она. Сборник произведений

«Издательские решения»

Старикова Т.

Я и она. Сборник произведений / Т. Старикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835925-5

Этот сборник дискутирует об эволюции человеческой личности, о разных персонажах, заключённых в одну телесную оболочку, но разнесённых по разным участкам хронологической оси. Иногда они встречаются, и тогда споров не избежать...

ISBN 978-5-44-835925-5

© Старикова Т.
© Издательские решения

Содержание

I. Миниатюры	6
Я и она	6
Рождество	7
Незнакомец	8
Мне девяносто. Мое прекрасное утро	9
Фонари и взгляды	10
Счастливые птицы	11
Недолюбленные	12
Влюблённости	13
Туп-туп	14
II. Рассказы	15
Пробуждение	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Я и она

Сборник произведений

Татьяна Старикова

© Татьяна Старикова, 2021

ISBN 978-5-4483-5925-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Миниатюры

Я и она

Она живёт во мне, ведь когда-то я была ею. Она любит его, как когда-то любила я. Она смеётся, просыпаясь, ведь изнутри ей щекочет веки рыжий блеск его волос.

Она рассеянная улыбчивая девчонка в сползшей набекрень шапочке и задумчиво рас-
трёпанном шарфе. Иногда она мне снится, и я улыбаюсь ей в ответ.

Она спешит к нему, деловито поправляя рюкзак. Ест на ходу кукурузные палочки из пакета, – не успела пообедать. Через сотню метров река, покормит уточек.

Я допиваю свой кофе в фойе мастерской. Спектакль окончен, буфет гасит свои огни. Гри-
мёрка бесприютно ошетибилась шипами подаренных роз, выпроводила меня на улицу и непри-
ветливо смотрит вслед. Я устало оглядываю средневековый грим на своём лице, мелькнувшем
в зеркале, и с усмешкой выхожу, – пусть прохожие удивятся.

Я иду вдоль набережной, сумерки сгущаются и поглощают мой тёмно-синий бархатный
плащ. Он нелепо волочится за мной, свет фонарей скользит по нему, стекая вниз, на балю-
страду моста. Мне нужно перейти на тот берег – ещё два шага, и гранит поднимет меня над
водой.

Я вижу только её глаза, – они идут мне навстречу. Она идёт, чуть пританцовывая в такт
фальцету из наушников. Она не смотрит на меня, дует из жвачки пузыри и считает на воде
лунных зайчиков. Губы её едва шевелятся: раз, два, три... Сейчас она поднимет взгляд, и я
не смогу отвести свой. Магнетический, он притянет меня: всё ближе, ближе... Секунда – и мы
сольёмся навсегда.

Плащ беспомощно повиснет на балюстраде моста, как занавес к главному в моей жизни
спектаклю.

Рождество

Он шёл по редкому рыхлому снегу и проглядывающей из-под него чёрной мостовой. Светать ещё и не думало, в эту пору Северная столица поздно просыпается ото сна. На улицах никого, и только ограда моста горбится над холодной водной гладью, добавляя узора этому чёрно-белому кадру немого кино.

Он ёжился от студёного ветра, пронимавшего его до самых костей. На светофоре, мигавшем сонным жёлтым глазом, он на минуту остановился, чтобы выбрать дальнейшее направление пути. Окинув взглядом тускло освещённые серым небом и разбитыми фонарями переулки, он зашагал к нелепым стойкам, украшавшим площадку перед манящим зажжённым светом кафе, в окне которого маячил посетитель.

Дойдя до стоек, он бросил на одну из них портфель и негнуцими пальцами набрал на замёрзшем экране: «Дорогая, я доехал. Спи хорошо».

Утром, в 5:30, он сошёл на питерскую землю. Восемь часов плацкарта, студёный сквозняк и выдавший виды дерматин, обтягивающий полки, покачивающиеся подстаканники с копейным чаем и задорная баба-проводница. Он улыбнулся тому, что путешествие так трогательно началось.

До вчерашнего дня они думали поехать вдвоём. Но зачётная сессия, объявившаяся на горизонте «вдруг», сломала все планы. Она наивно выгнала дугою бровь, нараспев растягивая слова в телефонную трубку учебной части. Да, представляешь, задержали. Да, не отпускают, никак.

Он шёл и улыбался её ученической манере оправдываться и хитрить, когда не удавалось осуществить задуманное. За пазухой у него её фотография, она греет, как котёнок, свернувшийся на груди. Нажав заветное «отправить», он отправился к дверям, сулившим тепло. Скрипнув дверью туда и обратно, он оказался внутри и занял место у окошка. Через минуту заспанная официантка поставила перед ним бумажный стакан чаю и бутерброд с заветренной колбасой.

Он ел по кусочку колбасу, запивая мелкими глотками обжигающего напитка. Он жмурился, и предметы, расплываясь в оранжевом свете, просачивались сквозь его ресницы, принимая причудливые очертания, напоминая всё что угодно, а ему – её комнатку под чердаком. Он жмурился, улыбался, пока, наконец, бутерброд не выпал из его руки, а голова не упала на локоть. Сквозь приоткрытую дверь чувствовалось лёгкое дыхание ветра, но странно, ветер будто потеплел и так ласково скользил по лицу. Наконец, что-то тёплое коснулось его щеки; он открыл глаза и увидел Её. Она стояла перед ним в заснеженном дуте пальто, задорно сверкая взглядом из-под заиндевевших ресниц, и легонько дула ему в лицо, прижимая к лицу тёплую ручку. Увидев, что он проснулся, она рассмеялась.

– Дорогой, с Рождеством тебя!

Она протянула ему мокрую от варежки зачётку. В ней красовалось гордое «три». Рассмеявшись в ответ его ироничному взгляду, она сказала:

– Зато теперь ничто не сможет разлучить нас. Пусть рождественские чудеса удивят нас обоих.

Незнакомец

Она сидела в ротанговом кресле за столиком кафе на улице, шагах в десяти от набережной. Ласковый ветер перебирал крупные кудри её волос, в глазах мелькали озорные зайчики. Правой рукой она обхватила бокал с мокаччино.

Полоска кожи на безымянном пальце предательски белела. Он сразу заметил это, когда наблюдал за ней сквозь стекло в каракулях мела, извещавших о меню на сегодня. Он снисходительно улыбался, глядя в её задорные карие глаза. Поднялся с места, уронив белую полотняную салфетку, и, попрощавшись с хозяином направился к выходу.

– Чао, синьорина! – она с наивным интересом обратила к нему свои глаза. – Не возражаете, если подсяду?

Она слегка порозовела от дерзости его вопроса. Она привыкла к вниманию мужчин, да. И к знакомствам на улице тоже. Но всё это было лет пять назад, а за годы брака навык подрастерялся...

Не дожидаясь ответа, он решительно двинул на себя стул и опустился на него. Его тёплый, но твёрдый взгляд без тени смущения скользил по её лицу, плечам, телу... Она почувствовала, как начинает стучать в висках кровь, а щёки розовеют. Она как бы по-детски улыбкунулась, чтобы скрыть смущение, и слегка повела перед собой плечами, словно бы желая закрыться.

– Хороший выдался денёк! – он с улыбкой смотрел на неё взглядом хозяина ситуации. – День-два, и айда купаться?

Она заулыбалась и ответила, что купаться да, очень любит, что давешним летом они...

Тут она осеклась. Кто они?

Он недвусмысленно указал взглядом на белую полоску на пальце, затем вопросительно посмотрел ей в глаза.

Она вспыхнула и произнесла:

– Я замужем, – она смотрела ему прямо в глаза, будь что будет. Облако удивления заволочило серо-зелёное сияние его взгляда. – Мы в ссоре. Месяц, два, и... – тут она запнулась и, пока хватала губами воздух, подыскивая нужные слова, он пришёл ей на помощь.

– Не нужно. Вы счастливы с ним. Посмотрите на себя! Вы сияете. Несчастные женщины так не сияют. – И, ослепительно улыбкунувшись ей прямо в глаза, он поднялся, взял в руки шляпу, подмигнул на прощание и ушёл.

Его силуэт скоро потерялся в лучах солнца, серебрившего моря, изломах чаечных крыл, шляпах курортниц и мало ли чём ещё. А она битый час смотрела ему вслед, облизывая сахарную корочку на чайной ложке.

Мне девяносто. Мое прекрасное утро

Я открываю глаза, и яркий свет наполняет моё сознание. Свет пробивается сквозь щели ставней и разливается по тёплым персиковым обоям, гладкий, как растопленное сливочное масло. Я поднимаюсь на ноги и иду открывать окно. В комнату врывается сильный порыв пахнущего морем ветра. На часах одиннадцать утра, а воздух только начинает прогреться, – на календаре первые числа апреля. Я переехал сюда в ноябре; теперь плайя-де-лас-Кантерас – мой новый дом.

Я выхожу на улицу, деревянные ступеньки скрипят, высушенные десятилетиями солнцепёка. Я иду вдоль моря, оно шумит и окатывает меня с ног до головы брызгами ослепительно-белой пены. Сегодня день моего рождения. Я отмечу его в кафе; девяносто лет, прошедшие со дня моего появления на свет, забрали у меня то, что я ценил в разные периоды своей жизни. Забрали молодость и красоту, оставив, к счастью, здоровье. Забрали профессию, которой я так когда-то так дорожил; оставив, по счастью, деньги и положение, которые она принесла. Не стало моей жены, и выросли дети. Аннета была старше меня на двенадцать лет; всю жизнь я себя чувствовал «щенком» рядом с нею. Сейчас мне девяносто, а «маленькая собачка» так и не выросла.

Намочив тощие лодыжки так, что основательно подмокли брюки, я, наконец, выхожу из воды и поднимаюсь к стройному ряду открытых кафе. Мне, чёрт возьми, девяносто, и я могу не думать ни о чём вообще. От меня ничего не ждут, а главное, я выполнил то, чего ждал от себя сам. Вот он, долгожданный вкус пьянящей свободы.

Когда мне было девятнадцать, я босым мальчишкой бегал к причалу и, пока строгий доцент с укоризной качал головой, – ***ова нет на кафедре! – с разбегу шлёпал по твёрдой от скорости воде под аккомпанементы чаек. Я жил настоящим, каждой клеточкой впитывая обаяние наступившего дня.

Заботы взрослого человека меня с этим счастьем разлучили. Думай на шаг вперёд; ни минуты потерянного времени; экономика должна быть экономной. Много лет я строил свою жизнь такой, какой хотел её видеть.

И вот всё позади. Сыновья за океаном, давно выросли; я не нужен им уже каждый день. Работа? Вот уж о чём точно можно позабыть.

Я иду и чувствую, как солнце греет мою кожу под рубашкой, предвкушаю горечь кофе, подслащённого разве что солнечным зайчиком, на моём языке. Потом я вернусь к себе в сад, и ко мне придёт соседский мальчишка, – Питер, родители привезли его с Фарерских островов, чтобы малыш позагорал немного. Мы будем мастерить у меня на веранде, а когда от разноцветных пропеллеров самых настоящих вертолётов начнёт рябить в глазах, я вскипячу самовар, и мы до темноты будем говорить о футболе.

Так же, как и у него, у меня сейчас лето. Не жалкие две недели, вырванные с мясом из офисного календарика, а настоящее, полной грудью дышащее, до утра на звёзды любующееся, весь день на пляже валяющееся и вечером прилипший песок с ног отряхивающее, лето.

Я снова могу быть ребёнком. И я хочу им быть.

Фонари и взгляды

Фонари тускло отбрасывают свет сквозь облегающую сетку чёрных чугунных чулок; их медный свет плещется на его лице, скользит по скулам, заливаясь в заломы промеж бровей, и тонет, наконец, в зарослях ржаво-русых волос. Он громко и с азартом повествует, то и дело хохоча, и смех этот, отрывистый и резкий, похож на бульканье воды, торопливо устремившейся к сливу.

Его плечи похожи на старое большое коромысло. На них нелепо болтаются руки, увенчанные крупными костистыми кистями, лоснящимися островками таких же рыжих волос. Рубашка пузырьком вздувается на худой, резко убывающей книзу спине.

Она идёт немножко поодаль, как бы отстав на полшага. Она смотрит на него, наблюдая каждую деталь, с удивлением впитывая движения кустистых бровей, неуклюжие жесты, хватющие воздух, и сам его голос, немного металлический, но от этого не менее приятный.

Ему двадцать семь, и это **ОЧЕНЬ** много. Он аспирант, и скоро закончит. Она смотрит на него снизу вверх, ведь это он ей ставит в практикуме оценки. Нелепый и неуклюжий, он лучше всех управляется с той странной машиной, с которой ей никак не совладать.

И в то же время её тянет кривляться, передразнить его самым дурацким образом, смеяться так, словно щекочет кто изнутри. Они закончили круг, он обернулся к ней, как бы спрашивая, что дальше, куда иди? Над Патриаршими повисла тишина, такая, что слышно кровь, стучащую по вискам. Она шагнула вперёд на полшага, которые отделяли его от неё. С улыбкой, как бы задираясь, глянула ему в глаза, приближая своё лицо. Где-то в груди щекотало всё сильнее, улыбка дерзким азартом озарила её глаза. Наконец, приблизившись к нему вплотную, она с наслаждением вдохнула то смятённое, застигнутое врасплох выражение его глаз, которое длилось всего секунду, а потом крепко прижалась губами к его губам. Его податливая растерянность смешила, и дразнила, и манила её. Наконец, прочувствовав накал страстей, она, довольная, высвободилась и любопытно уставилась на него карими, почти чёрными от широких зрачков блестящими глазами.

Он прижался к ней взмокшим, холодным от ветра лбом. Смотрел на неё прямо и упрямо. Он будет её навсегда, читалось в этом взгляде.

Счастливые птицы

Она крутит педали, и узкая полоса резины послушно режет склизкий пласт прелой листвы. Её запах повсюду; сладковатый, он слегка кружит голову. Она едет вдоль обочины, сумерки сгущаются, позволяя встречным фарами слепить ей глаза.

Череда белёсых, расчерченных на квадраты, как старый шоколад, пятиэтажек потянулась из-за леса. Здесь, в посёлке, остался год назад конопатый парнишка с бедовыми глазами – её первая любовь, бессонные ночи, ресницы в росе и рассветные запахи утром. Дышали друг другом, а однажды раз – и вдребезги.

Стая невидимых в сумерках голубей выпорхнула из-под колёс. Насмешник Метерлинк, их птица так же вырвалась из рук в прошедшем октябре.

Почтальонская сумка натирает плечо. Смешно, кем только не подрядишься работать, когда от стипендии до стипендии проходит целая вечность. Описав дугу на площади перед клубом, она спешила и достала конверт. Тусклый фонарь нехотя осветил ей адрес: Михайчука, 16, сомнения быть не могло. Она с азартом улыбнулась и нырнула в жёлтый прямоугольник парадного.

Пять раз мелькнул её силуэт в проёмах лестничных клеток. Пять раз она взглянула из окна на темнеющий в переулке лес, поднимаясь в его «скворечник» под крышей. Лязгнул звонок, и ворох лохматых рыжих кудрей, рассыпанных вокруг открытого лица и голубых дерзких глаз, шагнул ей навстречу.

Помолчав, он обезоруживающе улыбнулся и жестом пригласил её внутрь. Шаркая большими тапками, провёл её в кухню. Освещённые безабажурной лампочкой, они тянули чай из подстаканников, как тогда, будто их путешествие вовсе и не прерывалось. Они смеялись, пока тьма за окном не сделалась непроглядной, и не начали слипаться глаза.

Она мокро следила по залу носками, оставив парусиновые кеды в дверях. «А где Кешка?» – спросила она, вопросительно указав в пустую клетку под потолком.

«Младший брат чересчур его тискал. У бедной птицы не выдержало сердце», – насмешливо извиняясь, ответил он.

«Да, если птицу сжимать в руках, она обязательно вырвется или умрёт», – с горечью произнесла она. Взгляд упал на письмо, брошенное тут же за его спиной. Только сейчас она поняла, что почерк на конверте принадлежит этой, такой знакомой, руке.

Она тихонько рассмеялась.

«Но сегодня, кажется, Птица прилетела к нам сама?» – уткнувшись в рыжие кудри, прошептала она.

«Нам удалось приманить её, милая», – неожиданно серьёзно ответил он.

Морис лукаво улыбался, оглядывая их с портрета, висевшего над письменным столом.

Недолюбленные

Страх сам по себе был настолько страшен, что она уже почти мечтала о том, чтобы то самое страшное наконец произошло. Грязь под ногами, вязкая грязь размытой ноябрьскими дождями земли была такой же неизбежной, как те ужас и отчаяние, которые проникали в её сознание, заставляя корчиться от слёз на диване в гостиной при одной мысли о том, что возможно, возможно...

Она ревновала, ревновала ужасно, без повода и причины. Ревновала к той тоске по женской любви, всепоглощающей, которая читалась в его взгляде, пусть и обращённом к ней. Осиротевший ещё подростком, он давно не знал материнской любви и искал её повсюду. Нашёл в её глазах, карих и прекрасных, в её мягкой заботе, и даже в её слезах, когда она растроганно или растерянно плакала у него на плече. И утолить этот голод недолюбленного сироты ей было не под силу... С каждым днём его тоска всё сильнее просилась наружу, рвалась на волю, ища солнца, чтобы согреться в глазах встречных и поперечных.

Она ревела в подушку, уже с какой-то сладостью предвкушая неизбежный разрыв. Ведь за ним – чистая, как роса на рассвете, дорога мечты, дорога надежды и возможного счастья. Она ревела о своей не прожитой ещё любви, которую там, в будущем, уже похоронила. И с каждым всхлипом, с каждой капавшей на пол слезой, из сердца выходила боль, освобождая место для решимости. Ведь завтрашний день можно прожить иначе.

Влюблённости

Мне четырнадцать

Только бы братья не узнали, засмеют, как пить дать. Не буду говорить никому, буду вот так стоять коленками на окошке, пока улыбка не сойдёт с лица, пока не смогу говорить своим обычным голосом. Стекло холодное, к нему приятно прижиматься лбом, локтями. Начинает смеркаться. Как он там? Наверное, у них тоже сумерки. Ведь это два часа езды от нас. Наверное, пришёл с футбола домой, вихор взъерошен, весь румяный, голос от мороза осип. И скажет что-нибудь такое смешное, на щеках замелькают ямочки, а мяч прижимает к груди. Хорошо.

Через два месяца соревнования. Он будет там. Как дожить до них, Господи, как дожить?

Мне восемнадцать

Я лежу на кровати, надо мной протянулось окно. У самых ног – форточка, она открыта, в неё врываются ударные звуки бегущего трамвая. Сейчас он звякнет на развороте и пойдёт на кольцо. Это последний, а значит времени час, и М. не успеет на него, пойдёт по бульвару, к себе, туда, где комнатка под чердаком и так хорошо смотреть довоенные фильмы. Бульвар освещают фонари, и тёмная зелень кустов истекает тяжёлыми жёлтыми бликами. Я это всё вижу очень хорошо, стоит только закрыть глаза.

Мы шли пешком от самой Шаболовской. Я стёрла ноги, так смешно, надела новые туфли, думала ему понравиться. И шла, не понимала, где мы – всё думала, ну вот уже почти пришли, а он говорит – ещё больше часа. Ну ничего, сказала – не могу, он посмеялся. Шла пять остановок в его носках. У пруда «Бекет» промочила ноги. Зато на каждой остановке дарил мне по розочке. Ну, не чудо ли? Куда я только дену теперь весь этот розарий. Разве что засушу.

Начало июня, соседки разъехались: сессия закрыта. Я, как обычно, проворонила момент и спохватилась, когда билеты были разобраны уже. Уеду на каникулы позже, а пока «на хозяйстве». Непривычно засыпать в комнате одной.

Удивительно родной; целовал меня, а в голове стучало: кому я нужна, как не ему, в этом большом, равнодушном городе?

Мне двадцать восемь

Я просыпаюсь и чувствую его дыхание на своей щеке. Мне хорошо и спокойно...

Туп-туп

Она мерно переставляет кроссовки: туп-туп, туп-туп... Из её груди вырывается пар – небольшое облачко, напоминающее об отрицательной температуре. Чуть пониже вырывается такое же облачко, но поменьше, а ещё ниже, аккурат промеж её ступней, топают небольшие, но уверенные в себе ножки, обутое в подходящие ко времени тёплые сапожки.

Сонечка запрокидывает голову назад, вопросительно глядя на маму. Голубоглазое лицо её расплывается в широкой улыбке, сверкающей новеньким зубом. Удостоверившись, что мама на месте, девочка продолжает свой путь.

В руке её – гладкий каштанчик, подарок наступившей осени. Разлапистые листья разметались повсюду, а промеж них – желанные тёмно-красные плоды. Мама задумчиво вспоминает знаменитый киевский торт, хрустящий неповторимым беже...

Вот мальчик зашёл на детскую площадку. Ты кто? Как тебя зовут? Костик. Костик, что ты делаешь? Из снега леплю. Спрашивает мама, а девятимесячная Сонечка широко улыбается и трогает варежкой нос своего нового друга.

Сонечка, ты не устала? Ножки подгибаются, а ротик коромыслом выгнулся вниз. Ну, пойдём домой? Пойдём.

Туп-туп...

II. Рассказы

Пробуждение

Светило яркое апрельское солнце. Из-за жёстких соломенно-жёлтых занавесок упрямо пробивались его косые лучи. Арсений Иванович сидел на кухне, но чаю он не пил. Табурет под ним – коричневый плетёный табурет; круглый четвероногий коричневый стол, люстра, да и, кажется, всё вокруг Арсения Ивановича куплено было и принесено в этот дом десятилетия два с лишком тому назад. Сейчас все эти предметы, как и хозяин, населяющий этот дом, довольно прочно покрылись слоем седины. Влажную уборку проводил Арсений Иванович не часто.

Впервые он переступил порог этого дома двадцать шесть лет тому назад. Двадцать семь, уже двадцать семь, вздохнул Арсений Иванович. Рано овдовев, он привык спокойно и как бы бесчувственно отсчитывать пролетающие мимо годы. Они не приносили ему ни радости, ни чувства сожаления об уходящем времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.